

Виктор Мазоха

Виктор Владимирович Мазоха

Что стоишь, качаясь...

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=32523601

SelfPub; 2018

Аннотация

Когда до моей станции оставалось ехать минут сорок, отворилась дверь купе.— Мужики, у вас, случайно, не будет карт? — спросил незнакомец с добродушной улыбкой. Одет был по-домашнему: в тапочках на босу ногу, в трико и пиджаке. Так обычно ходят по вагону пассажиры дальнего следования. Все пожали плечами.— В «дурочка» неплохо было бы срезаться...

Содержание

От автора	4
«Что стоишь, качаясь...»	5
Яблоня и кукушка	16
Язва.	18
Глава первая	19
Жалобщик	36
Конец ознакомительного фрагмента.	40

От автора

В этой небольшой книге я собрал произведения, которые участвовали в литературных конкурсах и фестивалях (международных, всероссийских, региональных) и были в разной степени отмечены жюри. Она будет интересна не только читателям, но тем, кто сам пишет стихи и прозу. Читайте, сравнивайте, сопереживайте и главное – не скучайте!

«Что стоишь, качаясь...»

Отрывок из повести с рабочим названием «Завещай мне удачу. Отмечен дипломом I степени Регионального литературного конкурса «Белые розы Сибири» в 2015 году; вошел в лонг-лист 7-го Международного Грушинского Интернет-Конкурса 2016-2017 гг. в номинации «Малая проза» и премии «Писатель Года 2017» по версии Русского литературного общества им. А.Чехова.

В местном продуктовом павильоне был только один покупатель Люба Егорова, высокая женщина, лет сорока. Люба жила в поселке, работала в городской социальной службе и обслуживала местных стариков, нуждающихся в уходе, и инвалидов. В руке она держала только что купленную бутылку пива, объемом полтора литра, прозванную в народе «полторашкой».

– Здравствуйте! – поздоровался Дмитрий с женщинами.

– Здравствуй, Дима! – ответили продавщица и Люба одновременно.

– Что, Любаша, решила побаловать мужа пивком? – шутливо спросил Дмитрий, обращаясь к Егоровой.

– Ага! Мой пиво не пьет. Он водку любит, – с натянутой

улыбкой ответила она, взявшись за дверную ручку. – Это я бабке – «Чеченке». Просит: возьми да возьми. Надоела уже. Еще матерится. Обматерила меня, на чем белый свет стоит, что я ей пиво прошлый раз не принесла. Ой, горе мне с этими бабками! Привередливые они такие! Я говорю, нельзя тебе пить пиво, а она даже слышать не хочет. Ну, ладно, думаю, возьму. Пей ты, пей!

Люба, еще что-то говоря, открыла дверь, и ушла.

– Мне четыре йогурта, вареников с полкило с картошкой, – Дмитрий протянул продавщице смятые две сотни рублей.

Она достала из холодильника продукты и, отсчитывая сдачу, спросила:

– Как там отец?

– Не знаю, как и сказать... Состояние – стабильно нехорошее. Все больше лежит, сидит... Сейчас покормлю, подкину в печку угля на ночь...

– У тебя он хоть в тепле лежит, – вздохнула продавщица. – Ты все-таки сын, да и вместе с ним сейчас находишься. Ты и ночуешь с отцом?

– Конечно. Работу пришлось оставить...

– А вот бедная «Чеченка»... Сейчас с Любой разговаривали о ней. Муженек в тюрьму загремел, а за бабкой и присмотреть некому.

– За ней же Люба ухаживает.

– Да разве ж это уход. Разве она будет так ухаживать, как

ухаживал бы близкий человек. И бабка у нее такая не одна. Придет утром да вечером, протопит дровами. «Чеченка» бедняжка весь день мокрая лежит. Морозы-то какие сейчас стоят! На днях заходила к ней в дом. Так у меня волосы чуть дыбом не встали... Ох, бедная умереть-то по-человечески не может.

Дмитрий ничего не сказал, лишь вздохнул и вышел из павильона. На улице уже совсем потемнело. Морозный воздух врезался в легкие, и он, прикрыв рот воротником, прибавил шагу. Дорогой он не мог выкинуть из головы слова продавщицы, представив, в каких условиях находится бедная старуха... «И сколько же на земле еще таких, никому не нужных стариков». Сколько на свете боли, крови и слез! Ему стало дурно.

Дмитрий остановился и присел на корточки от внезапно подступившей слабости и темноты в глазах. Несмотря на то, что мороз свирепствовал, пытаясь пробраться до самых костей, он почувствовал, как по телу побежали капельки пота. От этого стало немного легче.

– Дурак! – сказал он себе, поднимаясь с колен. – Зачем все принимаешь близко к сердцу. Мир не изменить. Как были боль и страдания на земле, так и будут. Не думай обо всех, всех – не обогреть. Делай хотя бы то, что можешь.

Продолжил путь, делая остановки. Возле дома «Чеченки» бросил взгляд на светившиеся в нем окна. Поверх коротких занавесок было видно, что кто-то ходит по комнате. Подой-

дя ближе, все отчетливее прорисовывался женский силуэт. «Надо зайти», – подумал Дмитрия, сворачивая к дому.

Входная дверь была открыта, он толкнул ее от себя, на веранде – темно, хоть глаз выколи. Долго не мог нащупать дверную ручку, на пути попадались только стены. Наконец, увидел в проеме свет, вздохнул с облегчением.

В нос ударил резкий запах мочи. Бабка лежала на полу, на толстом матрасе, она никак не среагировала на его приход, лишь что-то прошептала, очевидно, о чем-то прося Любу. Люба повернула голову, она растапливала печь, и тут же продолжила свое занятие.

В квартире было не намного теплее, чем на улице. Дмитрий набрал в легкие воздуха и выдохнул: изо рта пошли клу-бочки пара.

– Не жарко здесь, – сказал он.

– А что ты, Митя, хочешь, – Люба, растопив печь, встала, держась за спину. – Дровами одними разве натопишь?

– А что нет угля?

– Нет. «Чеченец» должен был вывезти, но его посадили... Вместе с бабкиной пенсией улизнул.

Старик не имел никакого отношения к кавказской национальности. Кличку получил за неумное желание причислять себя к участникам боевых действий в Чечне. Несмотря на его возраст и неоднократные судимости, многие ему верили. Так и старуха стала «Чеченкой».

– В соцзащите попросить надо, чтобы обеспечили углем.

– Ой, кому что надо? Дочери родной не надо, а ты хочешь, чтобы чужие люди беспокоились. Ей даже инвалидность не дают. Она пластом лежит, а инвалидность не дают. Дурдом.

– Люба! – послышался тихий голос бабки.

– Сейчас!

– Пива просит, – пояснила Люба. – Даю ей чуть-чуть. У бабки одна радость осталась.

Дмитрий обвел взглядом кухню. Грязные стены и потолок, давно немытый пол. А главное – мертвецкий холод.

– А почему она лежит на полу, да еще голая? По низу тянет страшно.

– Падает. Я же не могу с ней сидеть день и ночь...

– А у нее дети есть?

– Дочь в Новосибирске живет. Почему не заберет к себе мать, не знаю.

– У тебя есть номер дочери? – спросил он, и, получив утвердительный ответ, тут же ввел его к себе в сотовый телефон. – Приду домой, позвоню.

Шарик, отцовский пес, выбежал навстречу, замахал хвостом.

– Больше не лаешь на меня, – Дмитрий потрепал собаку по загривку. Радостно взвизгнув, Шарик, встав на задние лапы, прижал его ногу передними лапами. – Теперь мы с тобой должны ладить. О тебе, кроме меня, заботиться некому.

Словно поняв, о чем идет речь, пес тихо заскулил.

– Ладно, пошли я тебе что-нибудь вынесу поесть.

Он очистил кастрюлю и сковородку от остатков еды, затем налил в собачью чашку немного молока и ссыпал туда остатки еды. Шарик жадно стал хватать куски хлеба, картошки.

Дома он стал кормить отца.

– Йогурт попробуй. Вкусный?

– Вкусный, – ответил отец.

– То-то же! Будешь есть, поправишься быстрее. Уже почти весна на дворе. Правда, морозы еще жмут отчаянно. Летом будем выбираться на улицу. Веселей будет.

Словно маленький ребенок, отец слушал внимательно и кивал в знак согласия.

– Тебе, батя, повезло, – продолжал Дмитрий, поднося ложку к отцовскому рту. – Вон соседка – одна, в голоде и холоде. А я с тобой. А знаешь, почему? Потому что это мой долг. И еще потому, наверное, что ты меня никогда не бил...

Отец захотел в туалет.

– Давай, батя, справляй свои надобности, а я пойду в другую комнату позвоню, – сказал Дмитрий.

Он достал сотовый телефон, нашел записанный номер дочери «Чеченки», нажал кнопку вызова. Послышались длинные гудки. «Значит, связь есть», – подумал Дмитрий. На втором гудке вызов был принят.

– Алло, кто звонит? – откликнулся женский голос на другом конце.

– Здравствуйте, это Наташа? Дмитрий вас беспокоит, со-

сед вашей матери.

– Что-то случилось с мамой? – голос зазвучал встревожено.

– Случилось. Вы разве не знаете, что ваша мать тяжело больна? У нее инсульт.

– Знаю, – спокойно протянула дочь. – Вы меня напугали, я подумала, что она умерла. Ух, ты, господи. Слава богу, жива еще. Вы мне хотели сказать только об этом – что она больна? Так я знаю. За ней же ухаживает соцработник... Люба, кажется, звать...

Женщина говорила быстро, как будто куда-то торопилась. Дмитрий дал ей выговориться.

– Наташа, я сегодня заходил к ней вместе с Любой, она лежит голая на полу. Понимаете, это трудно передать словами. На улице не май месяц. Ей нужен настоящий уход. Тепло. А у нее даже угля нет...

– Ах, мама! Сама виновата в своей судьбе. Сколько нервов потратила, чтобы она развязалась со своим уголовником. Так, нет же. Внукам ни копейки не послала, зато своему уголовнику регулярно передачи возила. Вот и довозилась – опять посадили его. Вот, пусть, он и помогает теперь ей. А я не могу. Я работаю. У меня нет дома условий.

– Вы не горячитесь, возможно, вам удастся выбрать время и приехать; сами посмотрите, может, что-то решите...

– Что вы от меня хотите? Чтобы я приехала и забрала ее?

– Да разве ж это важно, что я хочу? Вам решать.

– У вас все?

– Да, в общем-то, все. До свидания!

Дмитрий отключил телефон и вернулся к отцу.

– Батя, приготовься, – сказал он, надевая резиновые перчатки, – будем, приводить тебя в порядок.

Он попытался повернуть отца на бок.

– Тише, – скривился старик от боли.

– Больно?

– А то нет...

– Терпи, а иначе мне не добраться до твоей задницы. Ох, ты и навалил! Но это хорошо, хоть клизму ставить не придется. Да?

– Конечно.

Дмитрий взял отца за спину, отчего тот скривился от боли, и стал осторожно двигать на себя.

– Больно... – простонал отец.

– Потерпи, батя... Надо... – Дмитрий с силой, но, стараясь как можно мягче, повернул вначале ногу, затем туловище. В таком положении, недвижимое тело утратило равновесие и стало клониться. Чтобы отец не свалился лицом на кровать, Дмитрий стал придерживать его одной рукой. После чего ухватился свободной рукой за пеленку. Но вытащить с первого раза не удалось. Пеленка, словно приклеенная «Моментом», никак не хотела отставать от тела. Повторил попытку, но опять ничего не получилось.

– Твою мать, – выругался Дмитрий. – Не сдирать же ее

вместе с кожей.

Удерживать отца в таком положении он больше не мог.

– Придется тебя повернуть на живот, – сказал Дмитрий.

– Да ложи ты хочь на живот, хочь верх тормашками, только больше не мучай меня!

Когда освободились две руки, он смог осторожно убрать с тела прилипшую клеенку.

– Фу, батя... – вздохнул Дмитрий. – С одним делом, кажись, мы справились.

После чего, чтобы отец не задохнулся, быстро взял со стула чистую клеенку и попытался положить ее на место прежней. Но понял, что вряд ли ему это удастся сделать.

Легче было посадить отца в кресло. Он вначале посадил его на кровать, а затем не с меньшим усилием буквально перетащил в кресло.

– Вот теперь можно тебе посидеть, – сказал он, переводя дыхание. – Небольшое разнообразие, но хоть так... Да, батя?

– Да, сынок...

– Ничего, доживем до лета, купим инвалидную коляску – веселей будет. Да, батя?

Отец промолчал. Дмитрий лег на диван, время от времени, поглядывая на отца, который о чем-то разговаривал сам с собой. Вдруг он услышал тихое всхлипывание.

– Ты что, батя? – спросил он.

– Ничего, сынок ... – слезы текли по бледным щекам.

У Дмитрия застрял комок в горле.

– Не переживай, батя, – он попытался хоть как-то утешить отца.

– Да не поправлюсь я уже ...

– Поправишься! Мы тебя еще женим.

– Нет, сынок, – он вздохнул. – Никто мне теперь не нужен. И я никому не нужен. Ты отдай меня в «дом престарелых». Мне тоскливо ... Не могу я... И тебе легче будет.

– Не выдумывай! Давай, лучше споем песню. Вдвоем. Во все горло. Как ты на это смотришь?

– Да-вай, – согласился, всхлипывая, отец. – Ка-кую?

Дмитрий задумался. Он знал много русских народных песен, все они одна за другой всплывали в его памяти. Какой из них отдать предпочтение?

Пока он думал, отец запел:

– Что стоишь, качаясь, тонкая рябина, – донесся до него хриплый голос. – Головой поникла, до самого тыну ...

– Но нельзя рябине к дубу перебраться – знать судьба такая ... – подхватил Дмитрий в унисон.

– Знать судьба така -кая ... отец снова заплакал.

– Знать судьба такая... – пели они и плакали.

Слезинки быстро скатывались по щеке в рот Дмитрию, он чувствовал их соленый вкус, отчего становилось еще горше на душе...

На следующий день, утром, Дмитрий, раздвигая занавески, выглянул в окно. Ярко светило солнце. Приближающаяся весна брала свое. Возле дома «Чеченки» остановилась

такси. Из нее вышла женщина лет сорока, она быстрым шагом направилась в дом старухи...

Яблоня и кукушка

Стихотворение отмечено дипломом XXV Всероссийского фестиваля авторской песни «Гринландия-2017» . г. Киров

Промозглый май. Шальной гуляет ветер.
Но «дичка»— яблоня уже в весеннем цвете.
Отшельницей без племени без роду
Сиротка стойко переносит непогоду.

Других здесь яблонь нет по всей округе.
Каким же ветром занесло тебя, подруга?
Одна теперь ты без сестер и братьев
Стоишь в косынке белой и в зеленом платье.

И год за годом так к началу лета,
Ты, зацветая, отцветаете «пустоцветом».
Здесь нет прохожих, и не ходят в гости
Заброшен дом. Его хозяин – на погосте.

Лишь залетевшая сюда кукушка,
Весть о погоде донесет с березовой макушки.
«Ку-ку...». Ты слышишь? Теплым будет лето –

Такая, говорят, в народе есть примета.

Язва.

Отрывок из романа с рабочим названием «Язва Гиппократата». Отмечен грамотой финалиста конкурса «Автор года-2014» издательства «Ваше издательство», 2014 год. Москва.

Глава первая

Депутат городского Совета Андрей Яковлев быстрым шагом шел по направлению к больнице. В накладном кармане рубашки лежало письмо некоего пенсионера Берестова, которое передал ему в конце рабочего дня внук пенсионера. Старик жаловался на незаконные, по его мнению, действия медперсонала районной больницы и просил принять меры. Фамилию свою разрешил не скрывать, если потребуется.

Письмо требовало серьезной проверки, и, чтобы не откладывать дело в долгий ящик, Яковлев решил сегодня же приступить к расследованию.

Идти оставалось минут десять. На ходу посмотрел на часы. Они показывали без двадцати пять. «В палатах еще тихий час, — отметил он. — Успею». Но темпа не сбавил.

Нещадно палило солнце. Он слегка сощурил глаза, словно что-то пытался разглядеть впереди себя. Черные брюки и белая нейлоновая рубашка, купленные по-дешевке в магазине «секонд-хэнд», были отвратительного качества и практически не пропускали воздуха, все тело покрылось капельками пота, поэтому хотелось быстрее добраться до места, чтобы немного передохнуть и собраться с мыслями. Поразмышлять же было о чем.

Ему как депутату предстояло заниматься подобным рас-

следованием впервые. Правда, имелся опыт работы внештатным корреспондентом в различных изданиях, где нередко приходилось если не расследовать в чистом виде, то уж «копать поглубже» – точно. Этот журналистский опыт и подсказывал ему схему дальнейших действий.

«Вначале нужно встретиться с Берестовым, затем с другими больными, лежащими в стационаре, – размышлял он, – чтобы собрать больше фактов, а затем побеседовать с главврачом, медперсоналом. Если возникнет необходимость, «покопаться» в документах. А дальше – видно будет. Как говорил Наполеон: главное связаться в бой...»

И хотя Яковлев не считал себя «великим авантюристом», тем не менее, был убежден, что во всяком стоящем деле, а данное расследование представлялось ему именно таковым, необходим не только холодный расчет, но и определенный риск.

Андрей еще раз взглянул на часы, словно счет велся не о днях, а минутах.

Вскоре он уже был на месте. Летняя площадка, куда спускались больные после тихого часа, располагалась напротив центрального входа в пятиэтажное здание больницы. Она пока пустовала. Здесь в тени высоких тополей и кудрявых приземистых кленов, стояло несколько скамеек. Сев на одну из них, Андрей достал из кармана рубашки пачку сигарет и письмо Берестова. Но читать не стал, ибо успел его уже выучить наизусть. Закурил, жадно затягиваясь дымом. Посмот-

рев еще раз на письмо, положил его обратно в карман.

«Ничего, Андрюха! – сказал он самому себе. – Живы будем – не помрем! Только бы разобраться во всем».

Незаметно пустующая площадка превратилась в оживленное место.

«А почему бы мне сразу не побеседовать с кем-нибудь из больных прямо здесь? – подумал Андрей. – А потом уже зайти к Берестову».

Ему не терпелось включиться в расследование. Увидев в разноликой толпе, вывалившей на площадку, одиноко стоящую молодую женщину, Андрей тут же направился к ней. На вид ей было лет двадцать пять, не больше.

Печальные черные глаза девушки немного оживились, когда он представился, показав для убедительности депутатское удостоверение.

– Вы здесь лечитесь? – спросил он.

– Да, в терапевтическом отделении, – девушка удивленно взглянула на него.

– Хотел бы побеседовать с вами вот по кому вопросу... – Андрей вынул из кармана письмо. – Кстати, как вас зовут?

– Вера. Вера Бочкина.

– Так вот, Вера, ко мне поступила жалоба на то, что с больных требуют покупать лекарства за свой счет. Это так? Или, может, человек, написавший жалобу, все преувеличил?

Вера оказалась на редкость словоохотливой.

– Да все так и есть! – согласилась девушка. – Просто ка-

кой-то ужас, что творится в этой проклятой больнице! Третий день лежу здесь, но уколов не ставят, таблеток не дают, вообще ничего не делают?

– Почему?

– Говорят, что нечем лечить. Мне вручили список на приобретение лекарств... Одних таблеток нужно купить на четыре тысячи пятьдесят рублей.

– А на каком основании с вас требуют покупать лекарства, Вы не интересовались?

– Да ни на каком! Просто, говорят, что нечем лечить. Странно. Зачем тогда положили больницу, если них нет никаких лекарств?

– Действительно, все это очень странно. А Вы к главврачу обращались?

– Ходила я к нему, и что вы думаете, он сказал мне? – вопросом вопрос Бочкина пыталась заинтриговать ответом.

– Что же он сказал?

– Если завтра не принесу лекарств, то меня выпишут.

– Так и сказал?

– А чему здесь удивляться: в соседних палатах многих женщин выписали... Три дня подержали безо всякого лечения и выписали, потому что они не купили лекарств. Они просто не смогли купить...

Стараясь записывать все ее слова в блокнот, Яковлев пожалел, что у него нет диктофона.

– И у моей соседки по палате такая же история, – продол-

жала девушка. – Какое здесь питание? Кормят в больнице плохо, вместо чая дают кипяток без сахара. Даже постельное белье приносим с собой.

Задав еще несколько вопросов, Андрей закрыл блокнот и, машинально обведя взглядом территорию, взглянул на окна больницы. Из некоторых выглядывали больные. На третьем этаже заметил мужчину в белом халате и черных очках. Вначале не придавал этому значения. Но затем решил взглянуть еще раз. В окне уже никого не было. «Может, просто показалось», – подумал он.

– Вера, вы не будете против того, если я в своем расследовании сошлюсь на вас как на свидетеля?

– А свидетелем – куда? – несколько насторожилась собеседница. – Меня что будут вызывать в суд?

– Нет. Вопрос будет рассматриваться на депутатских слушаниях. Ну, как, Вы согласны?

Бочкина, немного подумав, произнесла:

– Я ничего не придумала, мне бояться нечего. Вам и другие больные скажут то же самое. Пойдемте к ним.

Он охотно согласился.

Вскоре Яковлев был окружен плотным кольцом пациентов, желающих рассказать о происходящем в больнице. Андрей не успевал записывать. Громче всех говорил грузный мужчина с капельками пота на носу:

– Знаете, какой был в нашем отделении случай? Очень показательный, надо сказать, случай. Лежала одна женщина,

с астмой, ну, ее мужу, значит, сестра наказала купить лекарства для капельницы... – мужчина вдруг осекся, увидев идущего к ним человека в белом халате:

– Главврач! – предупредил он.

И толпа растворилась в мгновение ока.

– Что здесь за экспресс-опрос? – спросил человек в темных очках, подойдя к оставшемуся в одиночестве Андрею.

Яковлев не мог разглядеть выражения глаз главврача, которые скрывали темные стекла очков, но гримаса на лице, крепко сжатые губы, выражали недовольство.

– А Вы, собственно, кто будете? – в свою очередь задал вопрос депутат, хотя знал, кто перед ним стоит.

– Я – главврач Статенин. В таком случае, с кем имею честь?

– Депутат городского Совета – Яковлев Андрей Викторович.

– Депутат? – ответ оказался для главврача неожиданным. – А я думал, корреспондент какой-то заглянул... Они, эти журналисты, народ наглый и хитрый, знаете ли. Придут без спроса на территорию больницы или поликлиники, хватают здесь разных сплетен. А потом читаешь в газете, и не знаешь, что делать: плакать или смеяться?

Яковлев улыбнулся:

– Я, в общем-то, тоже иногда печатаюсь. И если честно, не припомню, чтобы в наших местных газетах писали что-нибудь критическое о вашем учреждении.

– Яковлев... Читал, читал... Хорошо пишете. А вообще, журналисты в большинстве своем – народ субъективный. Освещают, как правило, одну сторону – ту, которая им больше по душе.

– Всякое бывает... – протянул Андрей. – Бывают и журналисты плохие и врачи...

– Но давайте ближе к делу. Вы сейчас находитесь здесь, не как журналист ... и не как врач... Вы здесь как депутат. Что же вас, депутата, привело к нам, если не секрет?

– Как говорят не очень любимые вами журналисты, письмо позвало в дорогу, – Андрей достал из кармана сложенный вдвое листок и протянул его Статенину. – Жалоба от больного Берестова. Вот пытаюсь разобраться в ситуации.

– Берестов... – Статенин, держа письмо в руке, наморщил лоб, пытаясь вспомнить пациента больницы. – Берестов... Берестов... Извините, но не могу вспомнить. – Так и не удосужившись прочитать письмо, спросил: – И что же его не устраивает.

– Александр Матвеевич, прочтите, и узнаете.

Статенин поднес лист ближе к очкам, бегло пробежался по строчкам.

– Вот люди! – воскликнул он. – Вечно на что-то жалуются. – И не скрывая раздражения, спросил: – И что же вы хотите?

– Вначале я планировал встретиться с автором письма, затем побеседовать с вами и задать несколько вопросов. Но

сейчас, ввиду того, что обстоятельства несколько изменились, можем начать с вас, тем более кое-какую информацию от больных я уже получил.

Статенин произнес категорично:

– Боюсь, но ни какой беседы у нас не состоится.

– Почему? – удивился Яковлев.

– Я просто не желаю с вами ни о чем говорить.

– В чем причина?

– У вас имеется распоряжение о назначении расследования? Покажите мне документ, на основании которого хотите проводить здесь расследование.

– А письма вам не достаточно?

– Нет.

– Вам недостаточно моего депутатского удостоверения?

– Нет, не достаточно. Еще раз повторяю: здесь не проходной двор. Предоставьте официальную бумагу с печатями с подписью вашего начальства – и милости просим.

– Хорошо. Будьте уверены, я предоставлю вам официальную бумагу и обязательно займусь расследованием.

Статенин сдвинул брови, выдохнул:

– Что же, ваше право. Удачи! – он повернулся, чтобы уйти, но остановился. – Зачем вам это надо? Какие-то расследования! Не засосало бы Вас это болото, господин Яковлев.

– Не волнуйтесь, «не засосет»! До встречи!

«Хорошенькое начало, – думал он по дороге домой. – Этого господина так просто не возьмешь... Требуется бумагу – бу-

дет ему бумага, – Андрей достал сигарету, закурил. – В принципе не все так уж и плохо. Одна Катя Бочкина сообщила достаточно, чтобы продолжать расследование»

Он вспомнил незнакомца в окне, он был в белом халате и темных очках. И тут его осенило: «Так это он, главврач, смотрел из окна! Ну, прямо, как в детективе».

В автобусе достал блокнот. «Что мне удалось узнать? Фамилии... Адреса? так-с... Есть и то и другое... Не успел я, конечно, еще много узнать, помешал главврач. Но, как говорится, лиха беда – начало...»

Ужасно гудели ноги. Сняв туфли у порога, почувствовал необычайную легкость. В квартире, после жаркой и душной улицы, приятно дохнуло прохладой.

– Что так долго? – спросила жена.

– По делам задержался, – уклончиво ответил он и прошел в зал. Не переодеваясь, прилег на диван. Подложив руки под голову, стал смотреть в одну точку на потолке.

Ольга, ничего больше не спрашивая, отправилась на кухню.

– Картошка скоро кончится, – нарезав хлеб, Ольга присела на табуретку возле стола. – Что есть будем, не знаю...

– Не впадай в панику! Раньше не пропали, и сейчас не пропадем!

– Да уж...

Андрей поднялся с дивана, достал сигарету и, не закуривая, встал у окна.

– Иди за стол! – снова позвала жена. – Заодно и расскажешь, как съездил.

– А что рассказывать? – Андрей сел к печке, поджег сигарету. – Денег я не получил. – Да поняла я уже, что приехал без денег...

– Завтра утром, если директор не отдаст долги по зарплате, на работу не пойду больше.

– Уволишься что ли, – спросила Ольга испугано.

– Нет, объявлю забастовку. И в суд подам.

– Доиграешься! А почему поздно вернулся?

– Занимался расследованием по ЦРБ, – произнес сухо.

– Чего? – Ольга вскинула брови. – Каким расследованием?

– Жалобу написал один старик, – пояснил он, – ходил разбираться в больницу

– Надо тебе это! Надоели мне все твои расследования.

– Тебе не интересно, что я узнал?

– А чего интересного? Ты в холодильник загляни – там много чего интересного увидишь! Пишешь статейки, расследованиями занимаешься, – со злостью говорила Ольга. – А что толку? Я уже ночами начинаю вздрагивать от звука любой проезжающей машины.

– Да кому я нужен! – Андрей тоже начал злиться

– Ты забыл, как приезжали разбираться за твою прошлую статью?

– Ну и что?

– Зачем тебе это надо? – с гневом продолжала Ольга. – Объясни дуре! А! Ты, наверное, надеешься, что народ тебя отблагодарит? Не надейся!

– Я не жду благодарности ни от кого, – сказал он. – Почему, я, депутат, должен исполнять свои обязанности ради благодарности?

– Если тебе наплевать на «благодарности», – лицо Ольги покраснело, – то ради чего, позволь узнать, ты бегаешь по редакциям? Может, ради денег? Так не платят тебе ничего. И от депутатства твоего – никакого толку. В твоём горсовете тебе не платят.

– Такой закон.

– «Закон!» И на работе – копейки, и те не выплачивают. И «жнец, и швец»... а сидим впроголодь. Кто-то деньги огребают, а ты мусор разгребаешь.

– Я не курица – мусор разгребать. Если ты имела в виду, что чищу землю от мусора – это другое дело. Не один я в подобном положении. Сейчас время такое, что многие люди даже хлеба досыта не едят.

– А мы едим, «чистильщик»? – колко спросила она.

– Ну, пока еще без хлеба еще не сидели, – ответил Андрей. – Ты не видела, как люди с помойки еду варят. А я видел!

Еле сдерживая себя, чтобы не наговорить гадостей, он спешно вышел на улицу. Походил немного и свернул к родительскому дому.

Мать, Валентина Андреевна, суежилась на кухне между столом и электроплитой, на которой шипела сковородка.

На скрип входной двери, женщина повернула голову.

– Андрюша! Заходи, родной мой! – увидев сына, она всплеснула руками, глаза ее радостно заблестели. – Легок ты на помине. Я вот как раз отцу говорила, что как ты женился, так и дорогу к нам забыл. А я тут пирожки стряпаю...

Андрей заглянул в зал:

– Здорово, батя! Что смотрим?

Виктор Иванович повернул голову:

– Здравствуй, сынок! Вот смотрю, как над рабочим классом издеваются – Сталина на них нет! Сейчас показывали, что рабочий застрелился из охотничьего ружья. Просил зарплату за полгода, ему отказали... Жаль мужика...

– Рабы в душе! – У Андрея задергалась левая щека. – Умирать не страшно, а бороться, выходит, страшнее смерти. Знаешь, батя, меня всегда удивляло, почему тот, кто собрался сводить счеты с жизнью, не прихлопнет вначале своего мучителя? Теперь понимаю: он раб и трус, потому, что даже тогда, когда ему уже и бояться-то нет смысла, он все равно боится...

– Грех не хочет брать на душу, – спокойно сказал отец. – Оно ведь сынок, перед смертью все верующими становятся. Это здесь, на грешном белом свете, мы безбожники, а у грани...

– О чем ты говоришь? На войне солдат о грехе не думает,

он думает о Родине. А здесь тоже – война. Сколько загубила молодых душ нынешняя жизнь! Эх, дожить бы, батя, до твоих годков – уж больно хочется посмотреть, как буржуев на Колыму погонят...

– Доживешь, сынок. Только боюсь, мечте твоей не суждено будет сбыться. Теперь власть уже не переменится. У них, кто у власти, – деньги, а деньги много значат! Да и за эти деньги они будут биться насмерть. К тому же, американцы не дадут сменить власть, они крепко запустили свои щупальца в Россию. Хотя мы и хорохоримся, но Америка...

– За чьи деньги, батя, они будут биться насмерть? – Андрей сурово смотрел на отца, глаза Яковлева горели. – За те, что наворовали? Не тот контингент! Если в революцию и гражданскую «голубая кровь» не смогла отстоять, якобы, свое добро, то современные бандиты и мошенники уж точно знают, чьей они собственностью завладели. И кишка у них тонка будет биться, сбегут при первом же запахе опасности. А что касается американцев, то и эти не сунутся. В гражданскую «Антанту» разогнали, и сейчас разобьем, если попробуют поднять хвост.

Андрей прошел на кухню.

– Давай, сыночек, поешь пирожков с картошкой и капустой, – лепетала мать. – Бери молочко, не стесняйся. Не к чужим ведь людям зашел.

– Да я не голоден, – ответил он машинально. – Если только с собой взять...

– И здесь поешь и с собой возьмешь. Давай, не стесняйся.

Глядя, как сын неохотно ест, на его нахмуренные брови, Валентина Андреевна с тревогой спросила:

– Не вкусные пирожки? Может, что-то случилось? Вид у тебя совсем замученный.

– Да нет, мам, ничего не случилось, – Андрей хотел улыбнуться и сделать беззаботное лицо, но улыбка получилась грустной. – Просто, устал сегодня. А пирожки очень вкусные.

– Что же тогда? – не отступала мать. – Меня не проведешь. Деньги-то ваш начальник платит?

– Нет, – коротко ответил Андрей. – Сегодня был на работе, узнавал. Говорит, денег нет. Врет.

– Нашел бы другую работу.

– Мам, да везде такая ситуация. Чего понапрасну бегать. Я решил бастовать. И в суд подам...

Мать тяжело вздохнула.

– Ничего пробьемся, – сказал он. – Надо их выводить на чистую воду. Сейчас вот занимаюсь депутатским расследованием.

– По какому вопросу?

– Занимаюсь расследованием по больнице.

– Ой, Андрюша! – она сложила руки на груди. – Зачем тебе это надо? Ты молодой и тебе кажется, что любое море по колено. Не дай бог, попадешь в больницу, они же тебе все припомнят. Правды-то никто не любит.

– Мам, и ты туда же! – Андрей встал из-за стола. – Я ведь депутат...

– Ну и что? Почему, именно ты?

– А кто же еще? Странно получается: другой, значит, суй голову в петлю, а сын ни в коем случае.

– Да и зачем это все нужно хоть тебе, хоть кому другому? Андрей прошел на середину кухни.

– Мама, не нагнетай обстановку, сказал он устало и добавил: – Какой-то вас вечно преследует страх.

– Я подолее твоего прожила на белом свете, и знаю: плетью обуха не перешибить...

– Мам, пойми, если не я, то, по крайней мере, здесь, в этом городе, этого не сделает никто! – Андрей хотел закурить, но, вспомнив, что мать не переносит табачного дыма, засунул обратно, вынутую из кармана пачку сигарет. – Другое дело: нужно ли это вообще кому-то? Да, нужно! Если буду бояться простых жуликов, то какой же я депутат.

Видя, что сын не на шутку разошелся, Валентина Андреевна попыталась его успокоить:

– Андрюша, сынок, дело твое правильное, ты за простых людей, рабочих, но зачем надо сейчас воевать? Народ-то молчит, терпит. Сейчас все приспособляются, как могут...

– Мам, подумай, что ты говоришь! – голос Андрея задрожал. – По-твоему, и я должен приспособиться?

– Иногда нужно проявлять русскую смекалку.

Он удивленно посмотрел на мать:

– «Какая русская смекалка»? Ты ли это, которая всегда меня учила жить по–справедливости и бороться за правду?

– Эх, сынок! – она подошла и погладила его по голове. – Я просто все чаще начинаю сомневаться в том, что наступит торжество справедливости. Мир не переделаешь. Я вот тоже всю жизнь боролась за правду. А где она? На стройках таскала кирпичи – строила коммунизм – хватала, сколько могла унести, аж ноги подкашивались от тяжести. И что в итоге? Надорвала желудок, потом боли мучили годами. А приспособленцы – «цвели и пахли». И сейчас они живут. Не так, скажешь?

Андрей обнял мать, ему стало неловко за то, что растревожил ее сердце.

– Это очень долгий и непростой разговор, – сказал он. – Я не хочу тебя ни в чем переубеждать. Ты, я знаю, будешь болеть за меня, и помогать мне, где бы я ни был. Скажу лишь одно: я не могу иначе. Уверен, и ты, случись, тебе прожить заново годы, поступала бы также – По-совести. Истина ведь, мама, не в приспособленчестве. Даже самый отъявленный лизоблюд понимает, что он творит... Нам надо бы окружить его презрением, как предателя, а мы, наоборот, хотим вроде как «строить жизнь с него». И когда приспособленец видит, что другие ему завидуют, и так же стремятся, как он, облегчить свое существование на чужой счет, он радуется: я не один такой. Отсюда начинается возведение в ряд непреложных истин не добро и справедливость, а подлость, пре-

дательство и ложь. И утверждение того, что миром правит зло. Только даже самая отъявленная сволочь хочет справедливости и добра по отношению к себе...

– Может, ты и прав...

– Так, ты меня понимаешь?

– Сынок, я понимаю тебя как никто другой, – Валентина Андреевна с нескрываемой болью посмотрела на сына. – Ты ни о чем не печалься. Я люблю тебя, и пусть удача сопутствует во всех твоих делах.

– Спасибо! – Андрей достал сигарету: он уже собрался уходить.

– Побудь еще, сынок, что ты все время куда-то торопишься? И пирожки не забудь.

– Надо идти... – Он незаметно сломал сигарету. – Они ведь, сволочи, только и мечтают, чтобы я оступился, продался, стал таким же, как они. Им тогда на душе легче. Сволочам в окружении сволочей всегда легче. Не стоит облегчать их участь.

Жалобщик

Адаптированная к конкурсу глава из романа с рабочим названием «Язва Гиппократы». Вошел в шорт-лист Международного литературного конкурса «Самарские судьбы».

Когда до операции оставались считанные минуты, в палату к Берестову вошел хирург Рыжов, держа в руках картонную папку и ручку.

– Здравствуйте, Николай Ефимович! – расплываясь в улыбке, произнес врач.

– И вам не хворать.

– Сейчас подъедет каталочка, мы вас на нее положим и повезем в операционную...

– Да я, вроде бы, ходить могу...

– Не волнуйтесь, это такой порядок. А пока, Николай Ефимович, распишитесь-ка вот здесь...

Рыжов извлек из папки листок и услужливо протянул его вместе с авторучкой Берестову.

– Секундочку, – сказал старик. – Я плохо вижу. Извините, мне нужны очки.

Он извлек из кармана старенький футляр, неспешно надел очки и с важным видом стал читать.

Хирург, не спуская заискивающего взгляда с Берестова, словно, перед ним стоял инспектор из Минздрава, от подписи которого зависела вся его дальнейшая судьба.

По мере того, как старик углублялся в чтение, менялся его облик. Казалось, с каждой прочитанной строчкой плечи Николая Ефимовича опускались ниже. Особенно «дожал» последний абзац: в нем говорилось, что он, Берестов, согласен на операцию... за свой счет!

Недавно он написал жалобу о творимых безобразиях в больнице. О том, что больные вынуждены покупать лекарства за свой счет. И вот еще один «сюрприз»! Это его возмутило.

– Ничего подписывать не буду! – взяв себя в руки, сказал спокойно и уверенно Берестов. – Это, во-первых. А во-вторых, хотелось бы узнать, почему я должен платить из своего кармана? Конституция гарантирует бесплатную медицинскую помощь! И, в-третьих, скажите, откуда у бывшего рабочего, а ныне пенсионера такие деньги – две тысячи рублей?

Хирург лишь повел плечами:

– Это не моя прихоть, Николай Ефимович. Таково указание главврача Статенина...

– Мне, какая разница, чье это указание? У меня имеется страховой медицинский полис, значит, на лечение должны быть перечислены средства из его фонда. Требовать деньги за операцию – не что иное, как форменное безобразие и беззаконие. Мало того, что я платил из своего кармана за таб-

летки, так еще и должен платить за операцию!

Чудак – человек! Пока он говорил, Рыжов смотрел на него так, как будто перед ним стоял не язвенник, а сумасшедший. Терпеливо дослушав пациента, процедил сквозь зубы:

– Дорогой, посмотри вокруг! Сейчас не те времена, – хирург перешел на «ты».

– А чего мне глазами крутить? И без того вижу и знаю, какие сейчас времена! – со злостью выпалил Берестов.

– Значит, подписывать не будешь? – еще раз уточнил хирург.

– Нет! – твердо ответил старик. Он до сих пор не вернул листок, и сейчас, опомнившись, подал его врачу. – Заберите. Хорошо, что еще не предложили расписаться во время операции...

Открылась дверь, на пороге показалась медсестра, она тащила за собой каталку, на которой должны были везти больного в операционную. Рыжов грубо остановил ее:

– Уходите!

Медсестра недоуменно пожала плечами и, пятясь, прикрыла за собой дверь.

– И ты собирай вещички, – бросил он Берестову. Нетипичная для пациента уверенность и упорство – обычно они особо не возмущались, когда речь заходила об их жизни и здоровье – вывели его из себя. – Просто так тебя здесь никто держать не будет!

– Что?

– А то, что в палате тебе больше делать нечего: операция отменяется.

Николая Ефимович бросило в жар, он почувствовал, что лицо его покрывается румянцем. На своем веку повидал он годы и страшнее нынешних лет. Сколько времени прошло, а в памяти до сих пор стоит военное детство, когда от зари до зари приходилось помогать матери на ферме; голод и холод долгими зимними ночами, болезни, унесшие сестренку и братьев. Первые секунды он не проронил ни слова, затем с болью в голосе произнес:

– Говоришь, значит, времена другие... Времена, конечно, другие... Но люди-то остались прежними. Человек – всегда человек. А вот сволочь... Сволочь не спрячется даже под медицинским колпаком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.